

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ТОТ, КТО СМОТРИТ ИЗ ТЕМНОТЫ

ЗАЛ ВОСКОВЫХ ФИГУР

ГАЛИНА ДОРОНИНА

Галина Доронина

Тот, кто смотрит из темноты

<https://litres.ru/74396604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смерть сторожа в музее восковых фигур списали бы на сердечный приступ, если бы не гримаса ужаса на его лице и странные следы на пыльном полу. Варвару вызывают в Санкт-Петербург как свидетеля, но она понимает, что снова оказалась втянута в опасную игру. Вместе с Максимом они начинают собственное расследование и вскоре понимают, что восковые фигуры здесь – не просто экспонаты, а смерть сторожа – лишь начало. И когда музей закрывается на ночь, начинается настоящий кошмар.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Галина Доронина

Тот, кто смотрит из темноты

Пролог

Музей восковых фигур располагался в старом особняке в центре Санкт-Петербурга. В такую промозглую серую погоду он выглядел особенно уместно. Снаружи он был старый и обветшалый, поэтому неплохо резонировал с тоскливой сыростью города. Но зато внутри он был щедро отреставрирован. Лепниной на потолках, наборный паркет, который скрипел под ногами посетителей весь день, четырехметровые потолки с шикарными люстрами...

Без четверти девять вечера последняя группа туристов покинула холл. Кассирша Люда, натягивая куртку, крикнула в сторону служебного коридора:

– Николай Иванович! Я закрываю кассу, все ушли!

– Слышу, слышу, – донеслось из глубины здания. – Иди уже домой, чего кричишь.

Николаю Ивановичу Ступину было шестьдесят три года. Он работал сторожем музея с момента его открытия и был абсолютно убежден, что бояться здесь совершенно нечего.

«Восковые фигуры, – рассуждал он про себя, обходя залы каждый вечер вот уже двенадцать лет подряд, – это всего лишь воск, проволока и человеческий труд. Бояться надо живых людей, а не обычных кукол».

Он давно привык к тому, как в темноте восковой Петр Великий смотрит поверх его головы своими стеклянными глазами, не вздрагивал, проходя мимо Григория Распутина с его безумным взглядом и всклокоченной бородой, и уж тем более не обращал внимания на манекены в камере ужасов в подвале, хотя студенточки, которые иногда подрабатывали кассиршами, обходили то место стороной.

Он запер входную дверь на два замка и цепочку, включил сигнализацию и пошел на обход.

Он помнил все залы наизусть. Вот первый зал, где тусклый свет дежурных ламп падал на фигуры Рюрика, Владимира Красное Солнышко и Ивана Грозного. Николай Иванович привычно скользнул взглядом по каждой из них. Стоят себе на месте, как вкопанные. Да и куда им деваться. Он сделал пометку в обходном листе и пошел дальше. Под его ботинком скрипнул паркет.

– Ну что, Иван Васильевич, – пробормотал он, проходя мимо Грозного и легонько похлопывая постамент, – все спокойно у тебя?

Иван Грозный, разумеется, молчал. Восковые цари вообще были неразговорчивы, и это Николаю Ивановичу в них и нравилось.

Во втором зале было прохладнее. Здесь в полный рост стоял Петр Великий с высоко поднятой головой и рукой, указывающей куда-то вперед – то ли на Балтику, то ли просто в стену, где висела картина с изображением закладки Петербурга. Меньшиков рядом ухмылялся своей хитрой ухмылкой, а чуть поодаль стояла фигура молодой Екатерины Первой. Про нее Николай Иванович любил рассказывать редким любопытным посетителям, задерживающимся после экскурсии.

Он осветил фонариком зал и двинулся дальше.

Третий зал был самый большой и самый посещаемый. Он был гордостью музея. По центру располагался трон. Это была настоящая историческая реконструкция, с бархатной обивкой бордового цвета и золочеными подлокотниками в виде львиных лап. Вокруг трона стояли фигуры династии Романовых в хронологическом порядке.

Николай Иванович обошел зал по периметру, светя фонариком под ноги, проверяя, не осталась ли здесь какая-нибудь забытая вещь, зонтик или перчатка. В музее это было обычным делом: люди вечно что-то забывали, а потом звонили и требовали найти вещи

– Ну как вы тут, ваши величества, – пробормотал он себе под нос, привычно усмехаясь собственной привычке разговаривать с восковыми фигурами.

Он не заметил, как фигура Николая Второго, стоящая у трона в глубине зала, чуть дрогнула. Медленно, почти неза-

метно его голова повернулась, и стеклянные глаза, до этого смотревшие прямо перед собой, в пустоту зала, теперь были направлены точно в спину удаляющемуся сторожу.

Если бы Николай Иванович обернулся в эту секунду, он бы, возможно, списал это на игру теней от фонарика. Но он не обернулся. Он шел дальше, привычным маршрутом, к лестнице, ведущей в подвал.

В подвале находилось то, что в музейных буклетах гордо именовалось «Камерой ужасов. Николай Иванович недолюбливал это помещение, хотя и не признавался в этом даже самому себе. Там было холодно и сыро, освещение хуже, а лампы дневного света мигали и жужжали, как в фильмах ужасов, действуя на нервы даже самому невозмутимому человеку.

Он спустился по каменной лестнице и толкнул тяжелую дверь. Пахнуло сыростью и химическими реактивами. Реставраторы недавно обновляли несколько фигур, и запах растворителя еще держался в воздухе.

Камера ужасов представляла собой анфиладу низких сводчатых комнат, стилизованных под средневековую пыточную, хотя, как знал Николай Иванович из разговоров с методистом музея, никакого отношения к реальному средневековью экспозиция не имела. Здесь стояла дыба с восковой фигурой мученика, застывшего в вечном крике. Гильотина с манекеном, чья голова лежала отдельно в плетеной корзине, залитая клюквенно-красным гелем, изобража-

ющим кровь. Железная дева, приоткрытая ровно настолько, чтобы посетители могли разглядеть шипы внутри и восковое лицо жертвы, искаженное ужасом. Дальше – комната с чумным доктором в маске с клювом, склонившимся над телом на каталке.

Николай Иванович равнодушно прошел мимо всего этого паноптикума. Для него это зрелище давно стало рутиной. Он проверил дверь запасного выхода и убедился, что она заперта. Отметил в обходном листе время.

Он прошел обратно наверх, через первый этаж, мимо кассы, мимо гардероба, мимо сувенирной лавки с магнитиками в виде отрубленных голов и брелоками-черепами. Николай Иванович поднялся на второй этаж, где располагались залы, посвященные советской эпохе – Ленин, Сталин, космонавты, – обошел их, как и остальные, и наконец вернулся в свою каморку рядом со служебным входом, где стоял электрический чайник, продавленное кресло и маленький телевизор.

Он налил себе чай, включил новости и достал из ящика стола кроссворд, который решал уже третий день. «Древнегреческий бог сна, семь букв». Он подумал немного, написал «Гипнос» и удовлетворенно кивнул сам себе.

Все было как обычно, ничто не подсказывало Николаю Ивановичу Ступину, что в третьем зале что-то происходит.

А там в свете дежурных ламп, стеклянные глаза императора Николая Второго вдруг моргнули.

По утрам первой в музей приходила уборщица тетя Вале́й. Вот и сегодня она как обычно пришла к семи, за два часа до открытия, чтобы протереть витрины и пропылесосить ковровые дорожки. У нее был свой ключ и привычка напевать под нос старые песни Пугачевой.

В то утро тетя Валя, войдя через служебный вход, сразу отметила, что в каморке сторожа темно.

– Николай Иванович! – позвала она, снимая мокрый плащ.
– Вы тут?

Ответом ей послужила тишина. Она пожала плечами – мало ли, может, отошел, хотя за все годы работы такого не случилось: Ступин никогда не спал на посту и никуда не уходил, он был педант каких поискать.

Она включила свет в холле и начала свой обычный маршрут: сначала касса, потом сувенирная лавка, и уже на подходе к первому залу почувствовала неладное. Здесь было холоднее, чем обычно.

Тетя Валя прошла через первый зал, через второй, ощущая, как холодок неприятного предчувствия скользит между лопаток, остановилась на пороге третьего зала и зажала себе рот рукой, чтобы не закричать от ужаса.

Николай Иванович Ступин сидел на троне в центре зала. Голова его была слегка запрокинута, глаза – широко открыты и смотрели в потолок, туда, где висела массивная люстра.

На его лице застыло выражение, которое тетя Валя потом, давая показания следователю, описывала одним словом

– «ужас». Как будто в последнюю секунду своей жизни Николай Иванович Ступин увидел что-то настолько невозможное, что сердце его просто не выдержало этого зрелища и остановилось.

Тетя Валя все-таки закричала. Крик разнесся по пустым залам музея.

Полиция приехала быстро, благо, отделение находилось в трех кварталах отсюда. Молодой следователь по фамилии Кузьмин, для которого это было первое серьезное дело за месяц работы, осторожно вошел в зал, стараясь не смотреть слишком долго на застывшую фигуру мертвеца, восседающего среди восковых царей.

– Криминалист что сказал? – спросил он у эксперта, который уже закончил первичный осмотр.

– Сердце, – коротко ответил тот, стягивая перчатки. – Все подробности после вскрытия. Но на первый взгляд все и так ясно, тут нет никаких следов насилия или борьбы.

– А почему он на троне сидит? – не унимался Кузьмин. – Он же вроде на посту должен был быть ну или обход делать.

– Может, плохо себя почувствовал, решил передохнуть. Сердечникам иногда сдавливают грудь, и они ищут, куда присесть. А трон – вот он, рядом. Не самое странное место для сердечного приступа, я вам скажу. Видел я и похуже.

– А почему такое выражение лица? – не унимался Кузьмин, кивая на застывшую маску ужаса на лице покойника.

– Мышцы лица после смерти иногда фиксируются в том положении, в котором были в момент остановки сердца, – терпеливо, как студенту, объяснил эксперт. – Если человек испытывал сильную боль или страх непосредственно перед смертью, то гримаса может сохраниться.

Между прочим, молодой человек, инфаркт – это больно. Люди, знаете ли, в такие моменты не улыбаются.

Кузьмин кивнул, хотя объяснение не до конца его успокоило. Что-то в этой картине казалось ему неправильным.

Он занялся осмотром места происшествия: сфотографировал труп с разных ракурсов, осмотрел карманы форменного кителя в поисках документов. В левом внутреннем кармане, рядом с потрепанным пенсионным удостоверением и мятой пятисотрублевой купюрой, обнаружилась визитная простая карточка.

«Варвара Дмитриевна Разумовская. Историк-архивист». И номер телефона.

Кузьмин повертел карточку в руках и убрал в прозрачный пакет для улики. Он еще раз осмотрел место происшествия и тут, наконец понял, что его так насторожило: у подножия трона пол был пыльный, и на нем отчетливо виднелся странный отпечаток. Кузьмин наклонился над ним и стал внимательно разглядывать. Это был отпечаток не ботинка и не тапочка, а чего-то другого, имеющего странную форму. Он был будто оставлен ногой, обутой в старинную сапожную колодку, каких давно уже не производят.

Варвара Дмитриевна Разумовская в это утро, ничего не подозревая, пила свой утренний кофе. Все ее мысли были заняты вчерашним разговором с Максимом. Они проболтали почти три часа и попрощались далеко за полночь.

Она и не подозревала, что где-то в отделении полиции лежит визитка с ее именем и что через несколько дней в ее квартире раздастся телефонный звонок, который снова вырвет ее из спокойной, предсказуемой жизни.

Но пока что она просто пила кофе, смотрела в окно на первый московский снежок и улыбалась своим мыслям.

Глава 1

Ну почему, скажите мне, будильник всегда звонит именно в тот момент, когда ты видишь самый сладкий сон? Я попыталась сделать вид, что не слышу бодренькой мелодии и попыталась зарыться в подушку, но не тут-то было. Аккорды «Маленькой ночной серенады» Моцарта доносились до меня все громче и громче. Пришлось вставать, тащиться к окну, открывать шторы, и тут выяснилось, что за ночь мир превратился в рождественскую открытку: снег валил такой шикарный, что я на секунду забыла про то, что вчера легла спать в отвратительном настроении.

За окном было еще темно – в декабре в Москве светает примерно тогда же, когда приличные люди уже думают об обеде, – но красоты это ничуть не убавляло, скорее даже добавляло уюта.

Я потянулась к телефону и по привычке проверила уведомления. Ничего интересного. Реклама доставки суши, напоминание от сотового оператора о необходимости пополнить баланс и сообщение от Максима, отправленное в половине двенадцатого ночи: «Спокойной ночи. Созвонимся на неделе?»

Как всегда вежливо и дружелюбно. Уже два месяца мы существовали в этом странном режиме: раз в неделю встречались в кафе, пили чай, говорили обо всем на свете, вклю-

чая совсем не безобидные вещи вроде временных петель и странных организаций, стирающих следы паранормальных явлений, – и ни разу, ни единого раза, ни один из нас не сделал того самого первого шага, который превратил бы «мы иногда видимся» в «мы вместе».

Я отложила телефон на тумбочку и вздохнула.

«Ну и ладно», – подумала я, расстилая свой любимый фиолетовый коврик для йоги. В конце концов, у меня уже был печальный опыт брака с человеком, который в итоге предпочел мне молоденькую лаборантку. Может, оно и к лучшему, что с Максимом мы держим дистанцию.

Не зря же говорят: обжегшись на молоке, дуют на воду. Хотя в моем случае это скорее «обжегшись на кипятке, начинаешь бояться чайника».

Приняв исходную позу и сделав первый вдох, я начала неторопливо выполнять Сурья Намаскар, продолжая размышлять.

Мысли текли плавно, пока не вернули меня в уральский лес, где два месяца назад моя привычная жизнь дала серьезную трещину.

Тогда все началось с советского рюкзака, который нашли лесники. Петр Семенович, директор местного краеведческого музея, позвал меня, как специалиста по историческим документам, чтобы я оценила подлинность находки. Внутри лежали дневники геологов, пропавших без вести в 1987 году, а выглядели так, будто их написали вчера. Тогда я была

уверена, что это очередная мистификация. Как же я ошибалась...

Я покачала головой, отгоняя воспоминания. Хватит. Утро – время для йоги и кофе, а не для погружения в прошлое. Хотя... Это прошлое теперь всегда со мной.

Такое даже с психологом не обсуждишь: меня бы быстренько направили в отделение, где стены обиты чем-то мягким.

Закончив практику, я свернула коврик, отправилась на кухню и поставила турку на плиту. Именно в этот момент и зазвонил телефон. Я пошла за ним в комнату.

Номер был незнакомый, городской, и я узнала петербургский код – 812. Интересно, как это может быть? Скорее всего, очередной спам.

– Алло, – ответила я, приготовившись услышать голос оператора, предлагающего кредитную карту.

– Здравствуйте. Разумовская Варвара Дмитриевна? – раздался ровный, официальный мужской голос.

– Да, это я, – сказала я, возвращаясь на кухню и краем глаза наблюдая за туркой.

– Меня зовут Кузьмин Андрей Викторович, я следователь Следственного отдела по Центральному району Санкт-Петербурга. Мы хотели бы пригласить вас для дачи показаний по делу о смерти гражданина Ступина Николая Ивановича.

– Простите, – произнесла я удивленно, – но я не очень понимаю при чем здесь я. Кто такой этот Николай Иванович Ступин?

– Гражданин Ступин работал сторожем в музее восковых фигур, – терпеливо, как будто уже сталкивался с подобной реакцией не раз, объяснил следователь. – Он скончался в ночь на воскресенье при исполнении служебных обязанностей. Предварительная причина смерти – острая сердечная недостаточность.

– Мне очень жаль это слышать, – сказала я осторожно, – но я не понимаю, каким образом это относится ко мне. Я никогда не была в том музее, более того, я никогда не слышала об этом человеке.

– В кармане покойного была обнаружена ваша визитная карточка, Варвара Дмитриевна, – объяснил мужчина. – Именно поэтому мы бы и хотели с вами поговорить.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Моя визитка? – переспросила я, чувствуя себя героиней плохого детектива, которая произносит очевидные реплики просто потому, что сценарист не придумал ничего умнее.

– Ваша, – терпеливо произнес следователь. – Разумовская Варвара Дмитриевна, историк-архивист, – процитировал он, судя по всему, читая с самой визитки. – И указан номер телефона, по которому я сейчас с вами разговариваю.

Я молчала, пытаясь собрать мысли в кучу. В этот момент с плиты раздалось шипение. Пена стремительно поползла вверх, и я, забыв о следователе на другом конце провода, быстро сняла турку с плиты, обжигая пальцы.

– Блин! – прошипела я, уже понимая, что кофе придется

варить заново, а плиту отмывать.

На том конце провода ненадолго замолчали.

– У вас все в порядке? – сдержанно поинтересовался следователь.

– Да, все нормально, – отозвалась я, дую на обожженные пальцы и с тоской глядя на кофейную лужу. – Просто небольшое кухонное происшествие. Не обращайтесь внимания. Итак, я поняла, что вы нашли мою визитку. Что вообще от меня теперь требуется?

– Нам нужно, чтобы вы дали официальные показания. Не переживайте, это простая формальность, – пояснил Кузьмин тоном, который должен был звучать успокаивающе, но почему-то только усилил мою тревогу. – Возможно, покойный был вашим знакомым, о котором вы просто забыли, или визитка попала к нему каким-то иным путем. Нам важно исключить любые версии.

– Когда мне нужно приехать? – спросила я, уже мысленно прикидывая, дадут ли мне отпуск за свой счет.

– В течение недели, если это возможно. Мы вышлем вам официальный вызов на электронную почту, там будут указаны адрес и время работы отдела.

Мы обменялись еще парой формальных фраз, я продиктовала свой адрес электронной почты, и разговор закончился так же внезапно, как и начался.

Я молча смотрела на кофейную лужу на плите и пыталась прикинуть, как моя визитка могла очутиться в кармане ноч-

ного сторожа из Петербурга. В городе на Неве я была два года назад. Мы с Глебом тогда еще были женаты, и он предложил поехать туда на выходные, «развеемся». Мы гуляли по Невскому, целовались на Дворцовой площади, пили глинтвейн на крыше какого-то бара... Но я тогда не была ни в одном музее, кроме Эрмитажа, да и то пробежала его вполглаза, потому что Глебу было скучно.

Я тяжело вздохнула, взяла тряпку и принялась отмывать плитку. Пора было собираться на работу, а я все думала про этот звонок и про то, что в моей жизни снова происходит что-то странное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.